

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Л.В. Воронина

К ВОПРОСУ О СОПРЕДЕЛЬНОСТИ СМЕЖНЫХ ПАР ВОПРОСНО-ОТВЕТНОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФАКТОРЫ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ, КОГНИТИВНОЙ И СТРУКТУРНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Рассматриваются минимальные структуры вопросно-ответного комплекса, реализующие семантику цели в политическом дискурсе. На языковом материале стенограмм интервью посредством методов конверсационного анализа диалога и интроспекции выявлены структурно-грамматические индикаторы степени сопредельности адъясцентных пар, установлены объективные (языковые) и субъективные (когнитивно-прагматические) факторы, детерминирующие понимание адресатом вопроса, его интерпретацию, последующие этапы порождения и экспликации ответной реплики.

Ключевые слова: адъясцентные пары; сопредельность; предпочтительность; семантика цели; порождение; экспликация

Введение

Манифестация цели имеет несколько особенностей и зависит от ряда факторов, формирующих дискурсивную среду – сферу функционирования текстовой единицы, включающую форму дискурса (устную или письменную), тип, жанр, специфику коммуникантов (роли, статус, установки на коммуникацию), аудиторию и др.

Типичной ситуацией для экспликации цели выступают вопросы *зачем? для чего?* Они организуют речевое взаимодействие, задают соответствующее направление поиска: именно вопрос выступает показателем семантики, регламентирует модальность общения, обуславливает иллюкативную силу ответной реплики, стимулируя тем самым образование вопросно-ответного комплекса (ВОК), или – с позиции теории конверсационного анализа – смежных пар, – базовых структурных единиц разговора [1. С. 231].

Ситуативный подход к анализу речевого взаимодействия коммуникантов, признание ведущей роли социального контекста, определяющего семантическую репрезентацию вопроса адресантом (отправителем, по Д.Х. Хаймсу [2]) и уяснение его семантики адресатом (получателем) [3. С. 266], исследование интервью как особого жанра политического дискурса, специфика которого не ограничивается «формой институционального взаимодействия» [4. С. 125], а определяет его выход за рамки заданных (термин конверсационистов) речевых формул, приближение к естественному языку, включение факторов, детерминирующих порождение высказываний – ответных реплик в составе ВОК, – перемещает данную работу в плоскость известных направлений современной научной лингвистической мысли – теорию речевых актов, конверсационный анализ и социолингвистику.

В свете теории речевых актов интерес вызывает выявление «первичных намерений высказывания» [5. С. 145], осуществляемых адресатом на известных уровнях понимания текста [6. С. 95], специфика его интерпретации [7. С. 163] адресатом; с точки зрения конверсационного анализа актуальным представляется исследование особенностей адъясцентных (термин

Г. Сакса), или соседствующих, пар – вопросов и ответов – в рамках непризнаваемого конверсационистами в качестве объекта исследования интервью как жанра, противоречащего своим заданными формулировками естественному языку [4. С. 125; 8. С. 38]. Кроме того, рассмотрение ВОК как вида социального взаимодействия, исследование социальных функций вопросов в аспекте их сопряженности с ответными репликами как более или менее соответствующими реализуемому социальному контексту [3], анализ фокуса внимания адресата при понимании вопроса и его интерпретация в соответствии с социальной рамкой намечают точки пересечения указанных выше лингвистических направлений в плоскости изучения диалога вопросно-ответного типа, реализующего семантику цели в жанре политического интервью.

Цель настоящей статьи – обозначить особенности речевого поведения коммуникантов в устной форме дискурса, выявить языковую, коммуникативную и прагматическую специфику текстовых единиц с семантикой цели, образующих вопросно-ответный комплекс, обнаружить специфику в процессе их моделирования, обусловленную типом и жанром институционального дискурса.

В фокусе нашего внимания – анализ минимальных структур ВОК, реализующих семантику цели в направлениях: 1) поиска информации о целевом событии (*с какой целью? зачем? для чего?*); 2) установления целесообразности действия (*что надо сделать, чтобы...?*); 3) выявления субъекта целесообразного действия, а также порождение и экспликация искомой информации в жанре политического интервью средствами языка, имеющими коммуникативную значимость.

Ключевым в рамках данного исследования выступает понятие предпочтительности (*предпочтительный* – «преимущественный», «лучший из ряда» [9]): такого рода вопросительные реплики и реакция на них в рамках ВОК должны быть исследованы в разных ракурсах – с точки зрения когнитивных предпосылок к экспликации, специфики материальной реализации (выбор грамматической оболочки), прагматических условий коммуникации в количественном

(в значении «преимущественный») и качественном (как «лучший из ряда») аспектах. Кроме того, необходимо обозначить предпочтительные языковые средства в ситуации выявления информации о цели и ее аспектах (ресурсах, субъектах) в политическом дискурсе, обнаружить их предпочтительные вторые части – реплики, отвечающие языковым и когнитивным аспектам экспликации высказывания о цели, пояснить условия, детерминирующие выбор предпочтительных / непредпочтительных вариантов второго компонента ВОК.

Структурно-грамматические индикаторы степени сопредельности адъядцентных пар: коммуникативный и функциональный аспекты

Понятие смежных пар, в которых наличие одной реплики предполагает другую [1. С. 231], в рамках данной научной работы требует своего уточнения. Так, в традиционном направлении конверсационного анализа оно охватывает достаточно широкий спектр парных действий-высказываний: приглашение – согласие/отказ, просьба, приказ – выполнение/отказ, вопрос – ответ и т.д. Их ряд достаточно открыт, а типология легко моделируется в соответствии с функциями общения, которые С.М. Эрвин-Трипп изложила в своей работе «Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия» [10. С. 336–363].

Опираясь на понятие *смежные пары*, мы будем иметь в виду минимальные структуры диалога – вопросно-ответные реплики, первая из которых демонстрирует отсутствие у адресанта необходимой информации о цели, что предопределяет ее иллюкутивную функцию – направлять на поиск неизвестного, вторая представляет собой реакцию адресата на вопрос, которая в ситуативном (коммуникативном) аспекте выступает как речевое действие, в языковом (грамматическом) демонстрирует выбор «упаковки» суждения о цели, который осуществляет адресат под действием факторов когнитивно-прагматического порядка.

Для квалификации степени сопредельности компонентов ВОК с точки зрения иллюкутивной силы – релевантности намерений адресанта и получаемой им ответной реакции адресата – целесообразно прибегнуть к терминологии Ленерта, который, анализируя вопросно-ответные диалоги как «разновидность социального взаимодействия между людьми» [3. С. 260] и исследуя их на фоне социальных контекстов, предложил понятие *стандартных* (соотносимых) и *нестандартных* (несоотносимых) пар.

Выделяя четыре вида вопросно-ответного сопряжения, функционал которого формирует первая реплика, Ленерт закрепляет за каждой определенную функцию – «социальный контекст», через который осуществляется диалог и вне которого полноценный семантический анализ и интерпретация разговора невозможны» [3. С. 260]. Вопрос, таким образом, обусловливает иллюкутивное сопряжение ответной реплики (стандартные пары) – выход же за рамки социального контекста воспринимается как «бессмысленное, либо как неестественное, либо... как смешное»

взаимодействие [3. С. 261], а образуемые в результате него пары следует считать нестандартными. Вопросно-ответные диалоги, реализующие семантику цели, в этой связи следует квалифицировать как стандартные в формате справочно-информационного взаимодействия.

Дискурсивные комплексы, представляющие собой последовательность двух действий разных субъектов, упорядоченные, примыкающие друг к другу, типологизированные в том смысле, что вопросительная реплика определяет ответную, Г. Сакс называет адъядцентными (соседствующими) парами, подчеркивая тем самым их линейную связанность. Уточним: понятие *адъядцентные* (от англ. *смежный*) Г. Сакс применяет исключительно к вопросно-ответным репликам [8. С. 41]. И если между компонентами смежных пар по умолчанию устанавливаются иерархически организованные отношения с доминантной первой частью, то в рамках адъядцентных пар вопросительный компонент еще в большей степени «принуждает собеседника к выбору формы действия» [1. С. 230] – ответить на вопрос / уклониться от ответа.

В зависимости от выбранной стратегии вторые части квалифицируются как предпочтительные или непредпочтительные. В аспекте нашего исследования предпочтительной, или уместной, выступает вторая часть, восполняющая информационный вакуум (специальный вопрос о цели) или утверждающий ее наличие (общий вопрос). В то время как отказ отвечать, равно как и уклонение от ответа, следует квалифицировать как непредпочтительные варианты сопредельной второй части ВОК. К примеру, идентичные в ситуативном аспекте интенции могут иметь в качестве продолжения действия-высказывания, констатирующие готовность субъекта к коммуникации (пример 1) – предпочтительные пары – или его нежелание (пример 2) – непредпочтительные:

1) А. Гамов: *И каковы Ваши цели?*

В.В. Путин: *Цели – благо России* (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 23.12.2016);

2) Д. Кнорре: *Владимир Владимирович, зачем Вы идете на выборы? Какова Ваша цель, Ваша миссия?*

В.В. Путин: *Я бы не хотел сейчас говорить о предвыборной программе, которая у меня, так же как и у других кандидатов, наверняка будет, должна быть. Она у меня практически уже есть* (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 14.12.2017).

Существуют дискурсивные и языковые маркеры ситуативно предпочтительных и непредпочтительных пар: первые «не требуют дополнительного пояснения и появляются как структурно более простые реплики» [1. С. 231]. Кроме того, предпочтительность подкрепляется структурно-грамматическими средствами:

– параллелизмом реплик:

Вопрос: *После вашего военного вмешательства в сентябре 2015 года на сегодняшний день какие, по Вашему мнению, основные решения существуют для того, чтобы эта страна вышла из многих лет войны?*

В. Путин: *Прежде всего, я бы хотел отметить конструктивный подход Турции и Ирана, которые*

вместе с нами добились **прекращения огня**, ну и, конечно, **сирийского правительства**. И второй, не менее важный шаг – это **договоренность о создании так называемых зон деэскалации** (Интервью В.В. Путина французской газете «Le Figaro» 31.05.2017);

– повторами:

С. Шахов: **Считаете ли Вы необходимым провести налоговую реформу, чтобы дать регионам больше собираемых ими средств?**

В. Путин: Да, я так **считаю** (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 14.12.2017);

– дублированием грамматических структур:

Е. Глушакова: **Может быть, стоит уже сделать фактическим их [США] участие** формальным, чтобы они стали пятым членом «нормандского формата»?

В. Путин: **Нужно ли их формально включать** в «нормандский формат», я не знаю (Большая пресс-конференция В.В. Путина. 14.12.2017).

Напротив, факты смены модальностей в ВОК маркируют непредпочтительные вторые части – их следует считать примером коммуникативного неподчинения и воспринимать как один из способов попытки доминирования адресатом над отправителем информации:

1) Вопрос: **Не могли бы Вы рассказать, какие меры, на Ваш взгляд, будут предприняты и могут быть предприняты, чтобы выполнить Вашу задачу?**

В.В. Путин: **Во-первых, нужно всех дольщиков выявить, окончательно понять, кто и где является дольщиком, кто и как пострадал...** (Ответы В.В. Путина на вопросы журналистов по итогам «Прямой линии». 20.06.2020);

2) В. Соловьёв: **Владимир Владимирович, мы живем в очень неспокойное время: теракт в Турции, множество погибших, много раненых. К каким выводам можно прийти, что можно сделать, чтобы остановить эту волну террора?**

В.В. Путин: **Нужно объединять усилия в борьбе с этим злом** (Интервью В.В. Путина В. Соловьёву. 10.10.2015).

В ситуации противопоставления двух «диалектически связанных, взаимодействующих противоположностей» [11. С. 57] адресат намеренно выбирает *надо*-модальность, сигнализирующую о «безальтернативном и непременном превращении потенциального в актуальное» [12. С. 8] в противовес менее категоричной *можно*, сообщающей о ситуации, «ирреальной в настоящий момент, но имеющей предпосылки и условия для того, чтобы стать фактической» [13. С. 99].

Второй вариант смены модальности – переосмысление адресатом вопросительной реплики и как следствие – ее логико-грамматическая трансформация в более сильную – интенциональную – плоскость отвлеченной реплики:

Вопрос: **В России говорят об экспансии НАТО. Многие европейские страны, особенно из Восточной Европы, утверждают, что опасаются возможных агрессивных проявлений со стороны Москвы. Как можно преодолеть эти взаимные страхи?**

В. Путин: **Для того чтобы преодолеть** нынешнюю нездоровую ситуацию, **необходимо отказаться от**

архаичных, времен холодной войны концепций сдерживания, блоковой философии (Интервью В.В. Путина газете «Коррьере делла Сера». 04.07.2019).

Коммуникативное неподчинение имеет различные проявления в структурно-смысловом оформлении ответного высказывания. Обычно ситуацию несогласия маркируют лексические (пример 1) и морфологические (пример 2) антонимы:

1) А. Черемисов: **И в оправдание говорят, что от Байдена мало что зависит, что якобы не все он там решает. У меня такой вопрос к Вам: зачем тогда встречаться с Президентом Байденом, если от него мало что зависит?**

В.В. Путин: **Андрей Николаевич, от Президента Соединенных Штатов много зависит, хотя там своя политическая система, есть определенные сдержки и противовесы, но от него много зависит** (Прямая линия с В.В. Путиным. 30.06.2021);

2) С.Д. Алессандри: **Что мы можем сделать для того, чтобы большее число итальянских компаний могли приехать в Россию и открыться там?**

В.В. Путин: **Это скорее вопрос к нам: что мы можем и должны сделать для того, чтобы большее количество итальянских компаний работало?** (Встреча В.В. Путина с руководителями международных информагентств. 4.06.2021).

Когнитивно-прагматические факторы экспликации сопредельной части в ВОК

В языковом отношении сопредельность проявляется в семантико-грамматической релевантности второго компонента ВОК первому. Зависимость определяется в объективном и субъективном форматах: первый обнаруживает себя во влиянии указанных признаков вопросительной части комплекса на организацию сопредельной реплики, второй – в ее (вопросительной части) восприятии, осознании и интерпретации адресатом.

Вопрос не просто принуждает второго коммуниканта к речевому действию – он регламентирует ожидание высказываний о цели с привычными для данной семантики способами экспликации: на вопросы о цели *зачем? для чего?* в норме должны последовать ответы в соответствующей грамматической оболочке: *чтобы / для того чтобы / с тем чтобы / для*, оформляющие дискурсивную единицу средствами соответствующего языкового уровня: предложениями, словосочетаниями. Такие структуры следует считать предпочтительными строго объективного, нормативного, академического (в сугубо лингвистическом плане) порядка, в то время как в устной форме дискурса частотны ситуации, когда субъект коммуникативно откликается на целевую ситуацию, заданную адресантом, эксплицируя собственные суждения в лучшем случае средствами, отчасти соответствующими облигаторным признакам целевой семантики, а иногда и разнящимися с ней. Развертывание такого рода ВОК, точнее выбор второй части, обусловлен факторами субъективного характера – особенностями восприятия и осознания адресатом запрашиваемой информации и выбором речевой стратегии при экспликации ответа.

Понимание текста, как известно, происходит на нескольких уровнях – фонетическом, синтаксическом, семантическом и контекстуальном [6. С. 95]. На поверхности первый из возможных, по мнению Т.А. ван Дейка [14. С. 15], идентификаторов понимания высказывания – его грамматическая структура (в аспекте нашего исследования вопросительный компонент), угадывания свойств которой должно быть достаточно для того, чтобы идентифицировать иллюкутивную силу, выявить семантику и обозначить свое понимание релевантным в семантико-грамматическом отношении высказыванием – вторым компонентом ВОК.

Моделирование ответа – реакция на вопрос – показатель степени понимания адресатом полученной информации: «речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация мысли» [15. С. 94]. Его формирование обусловлено актуализацией той части воспринимаемой адресатом информации, которую он осознает и квалифицирует как важную в зависимости от своего опыта, эмоционального состояния и прочего и эксплицирует в заданном модальном формате и исходя из собственных установок на коммуникацию, осуществляя тем самым предпочтительный для себя выбор.

Высокую степень понимания воспринимаемой информации маркирует проявляющаяся в семантико-грамматической сопряженности вопроса и ответа активизация в ответных репликах облигаторных признаков целевой семантики. Таковыми выступают:

1) футуральность:

Вопрос: *Намерены ли мы и далее добиваться передачи памятника нам?*

С.В. Лавров: *Будем добиваться полного выполнения обязательств чешских коллег по Договору 1993 г.* (Интервью С.В. Лаврова российским и иностранным СМИ. 14.04.2020);

2) потенциальность:

Ч. Роуз: *Давайте перейдем к следующему вопросу – Прибалтийские государства и Ваши намерения в отношении них.*

В. Путин: *Мы бы хотели строить с ними дружественные, партнерские отношения* (Интервью В.В. Путина для телеканалов CBS и PBS. 29.09.2015).

Схема такова: отправитель формулирует вопрос, направляющий формирование ответной реплики в плоскость интенциональности, моделирует ситуацию ее подконтрольности, подчеркивает собственную доминирующую позицию по отношению к отвечающему субъекту, навязывает модальность общения; получатель со своей стороны улавливает такой посыл и, интуитивно актуализируя тот или иной аспект целевой семантики, выбирает предпочтительную – соответствующую, – по его мнению, упаковку смысла.

Безусловно, понятие предпочтительности предполагает высокую степень семантической и, как следствие, грамматической соотнесенности вопросно-ответных реплик, в основе которой желание сторон к коммуникативному взаимодействию. Однако в ситуации, когда на вопрос о цели *зачем?* следует ответ вне заданной семантической плоскости, было бы преждевременным (и даже ошибочным) считать его непредпочтительным: когнитивная прагматика, объясняющая «способности совершать и понимать речевые акты, а также «влиять на это

понимание» [14. С. 13], устанавливать прямые связи между «содержанием мысли и содержанием высказывания» [14. С. 14], способна дать внятное объяснение подобного рода ситуациям.

В этой связи достаточно частотна ситуация совмещения двух семантических плоскостей – целевого и причинного значений. Такие конструкции, кроме политического, максимально востребованы в устном разговорном дискурсе, современной художественной прозе:

– *Мне надо с вами встретиться.*

– *Зачем?*

– *Я не могу по телефону* (О. Робски).

В сознании говорящего репрезентуются две ситуации – *необходимость встретиться* и *нежелание разговаривать по телефону*, которые соотносятся между собой как желаемое действие (цель) и его обоснование. Линейку суждений говорящего «разрывает» вопрос о цели, который не вписывается в логику развертывания его мыслей: вопрос задает направление перспективы, но для говорящего ответ *чтобы поговорить/увидеть* тривиален, в то время как причина представляется в большей степени актуальной, а потому подлежащей экспликации.

Нами был проведен эксперимент по «распознаванию» контекстов «зачем» и «почему» и реагированию на них. Результат показал, что зачастую адресаты не дифференцируют модальность вопросительных реплик, эксплицируя суждения нетипичными для целевого контекста средствами, которые тем не менее оказываются не менее информативными. Грамматическая компиляция в рамках ВОК становится возможной (и даже естественной), так как обе ситуации ассоциируются у субъекта с модальностью нужды, потребности, репрезентуются в его сознании через одинаковую ситуацию, в которой актуализируется один из аспектов, формирующих разницу в семантике: потенциальность и футуральность – цель, обоснование и ретроспектива – причина.

Когнитивно-прагматический аспект речевого взаимодействия обуславливает неожиданный с точки зрения классической грамматики и понятный с позиций психолингвистики выбор грамматических конструкций:

1) Ч. Роуз: *Какова ваша цель присутствия в Сирии, и как это относится к борьбе с ИГИЛ?*

В.В. Путин: *...Оно [присутствие] выражается на сегодняшний день в поставках оружия сирийскому правительству, в обучении персонала, в оказании гуманитарной помощи сирийскому народу* (Интервью В.В. Путина для телеканалов CBS и PBS. 29.09.2015);

2) В. Соловьёв: *Каковы наши реальные цели нахождения в Сирии? И каковы критерии успешности?*

В. Путин: *Мы оказываем – я уже это сказал дважды в ходе нашей беседы, могу повторить в третий раз – мы оказываем поддержку легитимным властям Сирии* (Интервью В.В. Путина В. Соловьёву. 10.10.2015).

Вопросительная реплика обеспечивает модальную плоскость развертывания комплекса в целом, однако адресант игнорирует данный посыл: нахождение ВС РФ в САР и осуществление там ряда конкретных действий ассоциируется в сознании адресата не с будущим пла-

ном, потенциальностью действий, а с процессом реализации целей в настоящий момент – этим определяется и выбор грамматических средств, не типичных для целевого контекста. По всей видимости, то же самое имели в виду Ван Дейк и Кич, которые применительно к восприятию и интерпретации текста читателем указывали, что субъект «пытается реконструировать не только предполагаемое значение текста, но и... значение, наиболее релевантное с точки зрения его интересов и целей» [7. С. 163]. Это очевидно и в следующем примере:

Н. Левинский: *Стоит ли нам ожидать блокировку зарубежных социальных сетей, сайтов, медиа-хостингов, таких как TikTok, Telegram, Twitter, YouTube и другие?*

В.В. Путин: *Нет. У нас нет таких планов. Мы нико-го не собираемся блокировать. Собираемся работать с ними* (Прямая линия с В.В. Путиным. 30.06.2021).

Отсутствие прямого утверждения цели в вопросе вовсе не исключает его интерпретации реципиентом как содержащего возможные (потенциальные) намерения. Соответственно реагируя, он эксплицирует собственное суждение в типичных для целевого контекста формулах.

Заключение

Понятие смежных, или сопредельных, пар в рамках ВОК, реализующего семантику цели, может быть уточнено введением термина *адъацентные пары*, предполагающего исследование порождения и функционирования определенного типа минимальных структур диалога – вопросно-ответных реплик.

В свете теории речевых актов вопрос – это речевой акт, успешность которого регламентируется рядом условий, в числе которых пропозициональность, подготовка, искренность и назначение [16. С. 293]. Сопряженная с ним реплика – ответ – выступает смежной локально, степень же собственно языковой сопредельности обусловлена семантико-прагматическими свойствами вопросительного компонента.

Анализ специфики сопряженности компонентов дискурсивных комплексов указанного структурно-функционального типа показал высокую степень ситуативной подчиненности второй реплики первой, ее зависимость от семантико-грамматических характеристик, выступающих в качестве объективных факторов моделирования ответной реплики.

Если принять во внимание регламентированную локальную сопредельность компонентов и их функциональную релевантность – соответствие запрашиваемой информации ответной реакции, исследуемые ВОК с целевой семантикой выступают как смежные пары с предпочтительной (при позитивном действии-высказывании) или непредпочтительной (при отказе от ответа, уклонения от него) второй частью в формате стандартной комбинации компонентов справочно-информативного типа взаимодействия.

Понятие смежности не должно ограничиваться исследованием только в линейном (как последовательность расположения компонентов) и деятельностном (речевая ситуация, речевое событие, речевое взаимодействие коммуникантов) аспектах, и быть проанализированным, как предлагается конверсантами, в аспекте ожидаемого позитивного действия, следующего за первой частью ВОК: в этом контексте предпочтительность понимается в реактивном формате, обусловлена речевым поведением адресата, которое определяется нормой успешности речевой коммуникации, и степень удаленности от этой нормы определяет степень предпочтительности ответа.

Смежность, или сопредельность, проявляется в собственно лингвистическом плане и определяется спецификой диалога как принуждения (феном), во-первых, к общению – реагированию, а во-вторых, к экспликации суждения в заданной вопросом грамматической оболочке. Это предпочтительность условная, так как регламентируется правилами формального соответствия, в то время как устный дискурс характеризуется спонтанностью, которая отнюдь не предполагает следования известным нормам в отношении употребления грамматических средств, традиционно закрепленных за той или иной семантикой: устный дискурс в этом смысле, как правило, за рамками жесткой грамматики. При этом предпочтительность ответной реплики всегда имеет когнитивные предпосылки.

Таким образом, «узнавание» иллокутивной функции и семантической наполненности первого компонента ВОК предопределяет последующий выбор соответствующей, максимально сопредельной (по мнению получателя) в языковом отношении и прагматической установке пары. Ключевым в данном умозаключении следует считать ссылку на мнение получателя, так как вопрос о том, насколько верно он оценил предметно-функциональный смысл реплики, соотнос его с собственными установками на коммуникацию и в конце концов подверг манифестации, решается в плоскости субъективного.

Восприятие и осознание вопроса адресатом подчиняется иным правилам, имеющим косвенное отношение к языку: получая информацию, субъект осознает ее частями, помещая в фокус своего внимания не все высказывание, а только его часть – актуальной представляется информация, которая, возможно, таковой не является с точки зрения ее адресанта (отсюда примеры непредпочтительных вторых частей ВОК). Таким образом, ответная реплика моделируется под комплексным воздействием двух факторов – объективных (языковых) и субъективных (когнитивно-прагматического порядка), и степень сопредельности пар в рамках ВОК в ситуации ответа на вопрос в когнитивном аспекте всегда маркирует особенности восприятия адресатом вопроса, его понимание, интерпретацию и последующую экспликацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улановский А.М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. Т. 27, № 1. С. 218–237.
2. Хаймс Делл Х. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистике. Социология. М. : Прогресс, 1975. Вып. XII. С. 42–95.
3. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного монолога // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 258–280.

4. Турчик А. Конверсационный анализ институционального взаимодействия: коммуникативные стратегии участников «прерванного» телефонного интервью // Социология власти. 2013. № 1-2. С. 122–154.
5. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 130–150.
6. Бирвиш М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 93–152.
7. ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 153–211.
8. Исупова О.Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология. 4М. 2002. № 15. С. 33–51.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. URL: <http://www.lexicography.online/expiratory/efremova/>
10. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в зарубежной лингвистике. Социология. М. : Прогресс, 1975. Вып. XII. С. 336–362.
11. Смирнов Л.В., Штоф В.А. Соотношение возможности, вероятности и необходимости // Проблема возможности и действительности. М. ; Л., 1964. С. 57–62.
12. Гапонова Ю.В. Средства выражения модальных значений возможности и необходимости в текстах печатной рекламы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 25 с.
13. Гатина Р.Г. О семантической структуре модальности возможности и невозможности // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12, № 3. С. 98–100.
14. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
15. Лазуткина Л.Н. Лингвopsихологические индикаторы профессионального отбора в военном вузе // Мир образования – образование в мире. М. : Изд-во МСПУ, 2011. № 4 (44). С. 93–101.
16. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М. : Эдичорнал УРСС, 2000. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 августа 2021 г.

Factors of Pragmatic, Cognitive, and Structural Relevance of Components Within Question-Answer Complexes in Modern Political Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 41–47.

DOI: 10.17223/15617793/473/6

Lyubov V. Voronina, Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev (Ryazan, Russian Federation); Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: lv-voronina@rambler.ru

Keywords: adjacency pairs; contiguity, preference; purpose semantics; generation; explication.

The article aims to reveal the linguistic, communicative, and pragmatic sequences of questions and answers in a dialog identity, discover the specifics in the process of their modeling, describe the features of the communicants' speech behavior in the oral use of discourse. The focus is the analysis of the minimal structures of the question-answer complex (QAC) that implement the purpose semantics in the direction of searching information about the target event, revealing the action purposiveness, identifying its subject, as well as generating and explicating the required information in the genre of political interviews by more or less typical linguistic means that have communicative significance. The preference – the key concept in this research – determined the direction of linguistic thought: to designate the preferred linguistic means in the situation of revealing information about the target event and its aspects (resources, subjects), to find their preferred second parts – conversational turns that correspond to the linguistic and cognitive aspects of the purpose statement explication, to explain some conditions that determine the choice of preferred/non-preferred options for the second component of the sequence of questions and answers in a dialogue. Using methods of introspection, observation on textual example and process of developing dialogue, based on a continuous sampling from transcripts of interviews with political leaders, the author identified sequences of questions and answers with the purpose semantics and analyzed them from the viewpoint of cognitive prerequisites to explicate the answer (the addressee's perception, understanding, and interpretation of questions), the material realization of the judgment (factors of choosing the grammatical form), and pragmatic communication conditions in quantitative and qualitative aspects. The author revealed conditions that form the discursive environment (the sphere of the text units' functioning including the form of discourse, type, genre, specificity of communicants – role, status, attitudes towards communication, audience, etc.) as typical for the explication of purpose judgments, the trigger of which is the questions “why?”, “for what?”. As an indicator of semantics, these questions regulate the modality of communication, determine the illocutionary force of the response, thereby stimulating the formation of adjacent pairs – minimal structures within the QAC – the object of this research. The realization of a situational approach to the analysis of speech interaction in the genre of political interviews, as well as the recognition of the leading role of the social context, which determines the semantic representation of the question by the addresser and the clarification of its semantics by the addressee, made it possible to detect the factors that determine the generation of a response – objective (linguistic, grammatical) and subjective (cognitive-pragmatic order). The author found that the degree of contiguity of pairs within the sequence of questions and answers in a dialogue always marks the peculiarities of the addressee's perception of the question, its understanding, interpretation and subsequent explication, and is coherent with the local (linear arrangement of components), situational (speech interaction of communicants), and linguistic (“lexico-grammatical packaging”) aspects of communication.

REFERENCES

1. Ulanovskiy, A.M. (2016) Phenomenology of conversation: method of conversation analysis. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of psycholinguistics*. 1 (27). pp. 218–237. (In Russian).
2. Hymes, D.H. (1975) Etnografiya rechi [Ethnography of speech]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Sotsiologiya*. 12. pp. 42–95.
3. Lehnert, U. (1988) Problemy voprosno-otvetnogo monologa [Problems of a question-and-answer monologue]. Translated from German. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka*. 23. pp. 258–280.
4. Turchik, A. (2013) Konversatsionnyy analiz institutsional'nogo vzaimodeystviya: kommunikativnye strategii uchastnikov “prervannogo” telefonnogo interv'yū [Conversational analysis of institutional interaction: communicative strategies of participants in an “interrupted” telephone interview]. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 1–2. pp. 122–154. (In Russian).
5. Strawson, P.F. (1986) Namerenie i konventsia v rechevykh aktakh [Intention and convention in speech acts]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. 17. pp. 130–150.

6. Bierwisch, M. (1988) Naskol'ko lineyno uporyadochennoy yavlyayetsya yazykovaya obrabotka [How linearly ordered is language processing]. Translated from German. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka*. 23. pp. 93–152.
7. Van Dijk, T.A. & Kinch, V. (1988) Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Strategies for understanding a coherent text]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka*. 23. pp. 153–211.
8. Isupova, O.G. (2002) Konversatsionnyy analiz: predstavlenie metoda [Conversational analysis: method presentation]. *Sotsiologiya: 4M – Sociology: 4M*. 15. pp. 33–51. (In Russian).
9. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New explanatory and word formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk. [Online] Available from: <http://www.lexicography.online/expiaratory/efremova>.
10. Ervin-Tripp, S.M. (1975) Yazyk. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodeystviya [Language. Topic. The listener. Interaction analysis]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Sotsiologiya*. 12. pp. 336–362.
11. Smirnov, L.V. & Shtof, V.A. (1964) Sootnoshenie vozmozhnosti, veroyatnosti i neobkhodimosti [The correlation of possibility, probability and necessity]. In: *Problema vozmozhnosti i deystvitel'nosti* [The problem of possibility and reality]. Moscow; Leningrad: [s.n.]. pp. 57–62.
12. Gaponova, Yu.V. (2007) *Sredstva vyrazheniya modal'nykh znacheniy vozmozhnosti i neobkhodimosti v tekstakh pechatnoy reklamy* [Means of expressing modal meanings of possibility and necessity in the texts of print advertising]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
13. Gatina, R.G. (2007) A semantic structure of the modality of the possibility and impossibility. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 3 (12). pp. 98–100. (In Russian).
14. Van Dijk, T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
15. Lazutkina, L.N. (2011) Linguo-psychological indicators for the professional selection at a military college. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire – The World of Education – Education in the World*. 4 (44). pp. 93–101. (In Russian).
16. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic Semantics]. Moscow: Editorial URSS.

Received: 16 August 2021